

- творчества: (Первобытное искусство). Новосибирск, 1978.
13. Лямин С.К. Диалектические оценки категорий «прошлое», «настоящее» и «будущее»: к вопросу о предназначении футурологии // Ineternum. 2011. №1. С. 5 – 8.
14. Мафессоли М. Околдованность мира или божественное социальное // Социо-логос. Общество и сферы смысла. М., 1991.
15. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1. СПб., 2000.
16. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. М., 2002.
17. Рябов А. Новый русский феодализм // Газета.ru. URL: <http://www.gazeta.ru/column/ryabov/3358748.shtml> (Дата обращения 22.07.12).

С.К. Лямин

S.K. Lyamin

Методологические проблемы изучения и моделирования исторических ментальностей

Methodological problems of studying and modeling the historical mentalities

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Россия на пути исторического транзита: политические, социокультурные, психоментальные аспекты (вторая половина XIX – первая половина XX вв.)» (государственное задание высшим учебным заведениям, шифр проекта: 6.2800.2011). Исследование выполнено также при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 12-06-31111 мол_а.

Аннотация, abstract: Статья посвящена проблемам изучения и моделирования исторических ментальностей. В центре внимания автора – исследование методологических подходов, используемых социально-исторической антропологией и исторической психологией в изучении миропредставления и социального поведения человека.

The article is devoted to exploring and modeling of historical mentalities. The focus of articles - study of the methodological approaches used by social and historical anthropology, historical psychology in the study of perceptions and human social behavior.

Автор, author: Лямин С.К. – Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории, laomin@mail.ru

Lyamin, S.K. – Tambov State University, PhD in History, Associate Professor of the Russian History Department, laomin@mail.ru

Ключевые слова, keywords: менталитет, социально-историческая антропология, историческая психология, фракталы

mentality, social and historical anthropology, historical psychology, fractals

УДК 930.2

Человек – автономный индивид или «ансамбль социальных ролей»?

В последние десятилетия, в условиях смены научных приоритетов в области исторических исследований, на первый план выдвигается изучение проблем, касающихся не только объективных социально-экономических и политических процессов, но и проблем,

связанных с познанием личности в истории. Именно к таковым принадлежит проблематика менталитета.

К научным направлениям, изучающим менталитет, относятся, среди прочего, историческая психология, социально-историческая антропология.

Усилия специалистов, работающих в направлении исторической психологии, сосредоточены не только на зафиксированных в источниках поступках людей другой эпохи, но и на характере их мышления. Исследователи изучают не столько поступки людей, сколько скрытые стремления, которые сопровождали те или иные поступки и исторические события. Таким образом, предметом исторической психологии являются не всегда сформулированные ясно, не вполне осознанные «привычки сознания», ментальность.

Ключевой проблемой социально-исторической антропологии является анализ представлений, хотя понятием «представление» широко пользуются и другие науки (например, социология). Предметом анализа социально-исторической антропологии являются не только представления, но и групповые поведенческие нормы и стратегии. В этом смысле внимание исследователей привлекают символы, обряды, ритуалы, системы жестов и т.д. В предмет социально-исторической антропологии входит анализ взаимосвязи мира воображения, неявных предпочтений людей и поведенческих стереотипов. С одной стороны, акцент делается на синхронистическом анализе той или иной социальной системы, с другой – историк не может уйти от диакронического взгляда на изучаемые явления.

Социально-историческая антропология уделяет большое внимание массовым и групповым явлениям. В этой области исторического знания исследуются не только самоочевидные для данного общества и культуры проявления, но также явления, имеющие место, хотя и отвергаемые в данной социальной среде.

Социально-историческая антропология отдает должное исследованию конкретных, индивидуальных случаев. Социально-детерминированные и всеобщие явления демонстрируются через индивидуальные и уникальные. Иногда даже говорят о микроистории, которая исследует отдельные случаи, фокусирует внимание на мотивации, микроконflikтах¹. Помимо «исторических личностей», исследователи обращаются к жизненным проявлениям рядового человека, что обуславливает широкое обращение к источникам личного типа: письмам, запискам, дневникам и т.п.

Социально-историческая антропология рассматривает человека как субъекта, существующего в обществе. На вопрос, как именно человек существует в обществе, есть два ответа.

Первый базируется на представлении о человеке как «ансамбле» социальных отношений. В соответствии с этим подходом общество производит тех людей, которые ему нужны.

Второй подход базируется на понимании человека как автономного индивида, наделённого сознанием и волей, способного к осмысленным поступкам и сознательному выбору. В этом случае общество представляет собой сумму индивидов и является продуктом их сознания и воли.

Между двумя этими теориями существует очевидное противоречие. В истории социологии первой попыткой преодоления такого противоречия была социальная теория К. Маркса, который рассматривал общество как продукт воспроизводства людьми своей жизни². Среди более современных теорий можно выделить концепции П. Бергера, П. Бурдьё³.

1 Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М., 1999. С. 19.

2 Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 30-ти томах. Издание 2-е. М., Т. 23 – 26, 1960 – 1964.

3 Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996; Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.

Именно в этом направлении работает и социально-историческая антропология.

Менталитет: трактовки в рамках социально-исторической антропологии

Менталитет (ментальность) является центральным понятием исторической антропологии. Единого определения понятия «менталитет» в исторической науке не существует. Каждое историческое направление, так или иначе затрагивающее проблемы менталитета, выдвигало своё определение. Также различается понимание менталитета в различных школах исторической науки.

Среди существующих определений можно выделить следующие:

- менталитет – это совокупность идей, интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединённых друг с другом логическими связями или же отношениями веры;

- менталитет – это склад мышления, комплекс базовых представлений или предрассудков, которые и управляют мышлением индивида или группы;

- менталитет – это естественное реагирование и поведение, произвольный, мало подверженный воздействию сознания образ мышления;

- исторический менталитет – это совокупность способов и содержаний мышления и воспитания, характерных для определённого коллектива и в определённое время. Менталитет проявляется в действии.

И.В. Герасимов предложил понимать под явлениями, которые охватывает менталитет, наиболее общие функциональные механизмы формирования общественной мысли, коллективное бессознательное⁴.

4 Герасимов И.В. Модернизация России как процесс трансформации ментальности. // Русская история: проблемы менталитета. (Отв. ред. Горский А.А.). М.: Институт Российской истории, 1994. С. 10 – 11.

Б.Н. Миронов понимает под менталитетом социально-психологические стереотипы, автоматизмы и привычки сознания, заложенные воспитанием и культурными традициями, ценностные ориентации, значимые представления и взгляды, принадлежащие не отдельным личностям, а той или иной социально-культурной общности. «Ментальности можно назвать парадигмами или моделями восприятия, понимания и оценки действительности, выработанными общественным или массовым сознанием в рамках данной общности, и разделяемыми всеми или подавляющим большинством её членов. Взятые в совокупности ментальности образуют менталитет – некую систему, нередко противоречивую, которая, тем не менее, обеспечивает отдельного человека и ту общность, к которой он принадлежит, глубинной программой деятельности, правилами или алгоритмами поведения, своего рода инструкциями на все или, по крайней мере, на важные случаи жизни»⁵.

Под менталитетом, таким образом, понимают общие принципы мышления, которые определяют формы проявления чувств, то есть в целом составляют дух той или иной эпохи. Ментальности включены в основание социальной жизни. В то же время они сами социально и исторически обусловлены. Они имеют нерелективный или частично релективный характер.

Во всех перечисленных определениях, несмотря на разные акценты, одинакова главная существенная характеристика менталитета – это определённый образ мышления. Таким образом, менталитет не приравнивается к мышлению. Если мышление есть процесс познания мира, то менталитет – всего лишь «манера» мышления, его склад, особенности, своеобразие.

5 Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. С. 327.

Историки марксистской школы, утверждая зависимость индивида от объективных исторических законов, никогда не объясняли, как конкретно объективные законы действуют на сознание людей, каковы внутренние субъективные мотивы поведения человека. Именно механизм воздействия объективных исторических законов и само миропредставление людей является предметом наук, изучающих ментальности.

Менталитет складывается как результат переработки сознанием реальных действительности. Сюда включается и наследование прошлых представлений. В центре внимания исследователей менталитета находится установление степени и характера освоения людьми как собственного жизненного опыта, так и окружающего их мира.

Менталитет: проблемы терминологии

Терминология исследования истории менталитета еще не устоялась окончательно. Так, например, одни исследователи употребляют понятия «ментальность» и «менталитет» как равнозначные русские эквиваленты французского термина «mentalité». Некоторые западные исследователи пишут это слово по-французски⁶.

Другие историки стремятся разграничить «ментальность» и «менталитет». Они, в свою очередь, указывают, что, если менталитет имеет всеобщее общечеловеческое значение, касается таких понятий как мышление и сознание (мышление русского человека, сознание француза), то ментальность относится к самым различным социальным стратам и историческим временам (русская ментальность, средневековая ментальность, купеческая ментальность). Однако у такого подхода имеются свои противники. В 1993

6 Куприянов А.И. Историческая антропология. Проблемы становления // Исторические исследования в России (тенденции последних лет). Под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО – XX, 1996. С. 366 – 385, 369.

году в журнале «Вопросы философии» прошла дискуссия по вопросам российской ментальности. А.П. Огурцов выразил сомнение в существовании национального характера ментальностей, в их способности символизировать собой национальный характер, дух того или иного народа. Он предложил новое определение ментальности, подразумевающая под ней систему норм и представлений социальных групп, все элементы которой тесно сопряжены и взаимосвязаны друг с другом⁷.

Фактически, А.П. Огурцов настаивает на том, что, определяя размер группы с той или иной ментальностью, под группой следует понимать малые, наиболее однородные группы.

Таким образом, исследователи отмечают, что сегодня ментальностью называются любые устойчивые проявления духовной жизни. «Менталитет превратился в неопределённую, семантически перегруженную метафору»⁸. В этой связи понятия менталитет и ментальность используются в диссертационной работе как синонимичные.

К источникам изучения менталитета принято причислять идиомы, пословицы, топонимы, язык тела (церемониалы, жесты, танцы и т.д.), коллективные представления, самоназвания и символы социальных групп, материалы личного характера (письма, мемуары, дневники и пр.), «устную историю», этнографические материалы.

По мнению ряда исследователей, внутри многообразия коллективных представлений следует выделять так называемые «центры тяжести» – представления о человеке и представления о группе, к которой человек себя относит. Ряд исследователей утверждает, что вопрос «каков ваш менталитет?» лишён

7 Огурцов А.П. Трудности анализа менталитета // Вопросы философии. 1994. №1. С. 54.

8 Герасимов И.В. Модернизация России как процесс трансформации ментальности. // Русская история: проблемы менталитета. (Отв. ред. Горский А.А.). М.: Институт Российской истории, 1994. С. 10 – 14.

смысла, так как менталитет может быть отслежен лишь там, где мы видим что-то непохожее на нас самих. То есть менталитет отслеживается всегда в оппозиции «мы – они», и это считается невозможным сделать в паре «мы – я»⁹.

Основные вехи исследования менталитета

Как таковое развитие методологии познания истории через человека, через изучение его менталитета начинается во второй половине XIX века, когда под влиянием позитивизма произошёл качественный изменения в теории познания.

В 80-е годы XIX века в социологии Э. Дюркгеймом было сформулировано понятие «коллективное сознание»¹⁰. Тогда же психология впервые ввела в оборот термин «ментальность». На рубеже XIX-XX веков В. Дильтей в своей работе «Введение в науку о духе» доказывал, что история человечества лучше может быть представлена как последовательная смена «психологических мировоззрений». Они воплощены в сочинениях литературных, религиозных и философских гениев¹¹. В этот же период М. Вебер и В. Зомбарт в рамках социологии исследовали проблемы буржуазной идентичности¹². Французские психологи Г. Лебон и Л. Тард обратились к психологии масс. На рубеже веков они создают школу, изучающую массовую психологию и инстинкты¹³.

9 Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов-на-Дону, 1994. С. 54.

10 Дюркгейм Э. Социология и теория познания // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.

11 Дильтей В. Введение в науку о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX веков. Трактаты, статьи, эссе. М., 1987.

12 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994.

13 См., например Лебон Г. Психология толп // Психология толп. М., 1999. С. 15 – 256; Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М., 1999. С. 257 – 408.

В 20 – 30-е годы XX века З. Фрейд заложил основы психоистории, получившей сегодня широкое распространение на Западе¹⁴. Его теория объясняет деятельность людей посредством анализа бессознательного.

С 20-ых годов XX века в западной историографии складывается новое направление истории, яркими представителями которого были М. Блок и Л. Февр – основатели школы «Анналов». Они оспаривали главенствующую роль событийной истории, переносили акцент на изучение длительных процессов. К ним они относили такие процессы как, например, движение заработной платы, демографические изменения, эволюция психологии. Главная задача этого направления заключалась в воссоздании жизни людей в её целостности. Для этого необходимо было выяснить, как чувствовали и мыслили люди в разные века. М. Блок и Л. Февр предупреждали об опасности, подстерегающей исследователя при изучении менталитета. Она заключается в невольной попытке приписать современные нормы и ценности людям разных эпох. Гарантией против этой ошибки М. Блок и Л. Февр считали сотрудничество историков и психологов¹⁵.

В России в 1920-е годы проблемами коллективной психологии занимался В.М. Бехтерев. Он пытался в своей работе «Коллективная рефлексология» осмыслить психологию человеческих общностей через призму индивидуального подхода как психолог, но не как историк¹⁶.

В 1960 – 70-е годы методологию исследования менталитета разрабатывал Б.Ф. Поршнев. В 1966 г. вышла его книга «Социальная психология и история»¹⁷. Б.Ф. Поршнев занимался

14 Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон: двадцать восьмой президент США. М., 1992.

15 Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

16 Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология // Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994.

17 Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966.

ся главным образом интерпретацией психологии первобытных людей.

В методологическую базу исследования менталитета значительный вклад внесли такие исследователи как М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич, М.М. Баткин. Их внимание сосредоточено на исследовании менталитета человека эпохи средневековья и Возрождения¹⁸.

Так, методологический подход А.Я. Гуревича базируется на анализе категорий мышления – мыслительных схем, образующих мировоззрение людей. А.Я. Гуревич полагает, что эти категории предшествуют осознаным идеям. Эти категории, помимо прочего, заключены в языке и других знаковых символах.

Кроме того, в современной социально-исторической антропологии всё большее распространение получает типологизация – специфический способ выявления закономерностей социокультурной реальности. В любой реакции человека на ситуацию можно выделить нечто типичное, которое соотносится с представлением о принадлежности к группе. Позиция социального агента в структуре социальных групп принуждает человека воспроизводить групповые социальные представления. В совместной деятельности групп возникает общая система практик «людей – социальных агентов», которые живут в сходных социальных условиях. Тип – это объект, выделяемый и рассматриваемый в качестве

18 Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М., 1978; Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989; Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990; Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства // Гуревич А. Я. Избранные труды. В 2-х тт. Т. 2. Средневековый мир. М., СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН «Университетская книга», 1999.; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Я. Избранные труды. В 2-х тт. Т. 2. Средневековый мир. М., СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН «Университетская книга», 1999.; Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: 1993.

представителя множества других объектов и наделёнными чертами общими для всех них. Социально-историческая антропология выделяет несколько социальных типов: «крестьянин», «буржуа», «джентльмен», «интеллектуал» и т.д.¹⁹.

Устоявшиеся идентичности являются также предметом изучения «серийных историй» того или иного толка. Сформулированная Ю.Л. Бессмертным особенность «серийного подхода» заключается в том, чтобы «формировать ментальный вариант, который был в той или иной мере свойственен всем вообще, но никому конкретно»²⁰. Этот подход представляет ценность для изучения стабильных неполяризованных обществ, где выявленный «ментальный инвариант» в действительности был господствующей тенденцией, основным содержанием той модели мышления и поведения, на которую ориентировалось подавляющее большинство людей. Однако такой подход имеет свои слабые стороны. Во-первых, он не способен сконструировать образ того общества, в котором нет ничего типичного, а во-вторых, упускает из вида всё изначальное многообразие альтернатив формирования идентичностей, а также механизм их становления.

Сегодня очевидно, что проблема реконструкции менталитета связана с целым рядом трудностей. Исследователи всё чаще задаются вопросами о том, каким должен быть язык описания менталитета, каков механизм передачи норм менталитета от поколения к поколению, каким образом изменяется ментальность. Как мы уже убедились, среди учёных имеется разброс мнений в вопросе, что такое менталитет. Большинство современных исследований в

19 Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М, 1999.

20 Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей: Человек в истории, 1995: Представление о власти. М., 1995. С. 11.

области методологии сосредоточено на преодолении именно этих трудностей.

Фрактальная метафора менталитета

Большие социальные группы состоят из малых групп и, в конечном счёте, из индивидов. Человек, таким образом, включён во множество социальных общностей. Соответственно, менталитет большой социальной группы отражается в коллективном сознании малых групп и, в конце концов, в индивидуальном сознании. Ментальные категории и особенности восприятия функционируют на разных социальных уровнях. Можно выстроить своего рода иерархию социальных срезов менталитета. Например: городское общество – словесная корпорация – семья – индивид. Подобная иерархия выстраивается по принципу матрёшки. Но всё же «матрёшка» в данном случае весьма примитивная метафора, которая демонстрирует всего лишь иерархию поверхностных количественно-качественных характеристик.

Некоторые соображения подтолкнули нас разработать новую метафору взаимодействия коллективного и индивидуального сознания.

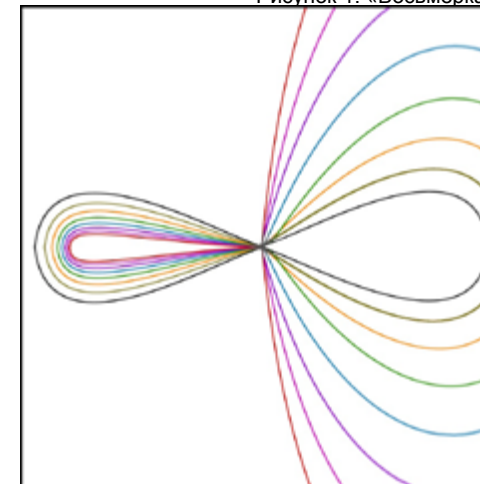
Во-первых, индивидуальное сознание представляет собой совокупность ментальных категорий, одни из которых непосредственно связаны с практикой, являются своего рода праксиологическими программами, в той или иной мере рефлекслируемыми каждой личностью, а другие – глубоко личностные, внутренние, интимные идеи, не всегда осознаваемые и не всегда проявляющиеся в социальной деятельности. Структура коллективного сознания аналогична, с той только разницей, что вывернута как бы наизнанку. Массовое сознание фиксирует и вербализирует наиболее абстрактные морально-философские концепты. В то же время праксиологические образования коллективного мышления зачастую скрыты и не всегда осознаваемы коллективным

сознанием. Таким образом, если личностное сознание сопрягается с окружающей средой посредством, прежде всего, праксиологических программ и норм, то коллективное сознание – посредством философии, морали, идеологии (абстрактных систем знания). В свою очередь центр личности формируют интимные, мировоззренческие категории, а основу коллективного сознания составляют конкретные социально-практические нормы, которые и формируют коллектив как таковой.

Во-вторых, категории коллективного сознания отражаются в индивидуальном сознании; и отражение это, как мы уже отметили, является «перевёрнутым». Если мы хотим проникнуть во внутренний мир личности, необходимо рассмотреть распространённые в обществе идеи, определяющие «дух эпохи». И наоборот: если перед нами стоит задача изучить нормы социальной практики, характерные для какой-либо эпохи и социальной группы, то следует изучить деятельность человека в микросреде.

В силу этих двух обстоятельств мы прибегли к метафоре геометрического фрактала, который условно назвали «восьмёркой»

Рисунок 1. «Восьмёрка»

Эта фигура (рис. 1) состоит из бесконечного числа восьмёрок, образованных одной линией и встроены особым образом одна в другую. Одни витки представляют собой слои (категории) индивидуального сознания, другие – коллективного сознания. Одна часть каждой восьмёрки включена в соответствующую часть предшествующей восьмёрки, а другая часть исходной восьмёрки включает соответствующую часть предшествующей восьмёрки. Таким образом, внешние витки коллективного сознания продолжают во внутренних витках индивидуального сознания, которые, в свою очередь, переходят во внешние витки коллективного сознания. Бесконечная внешняя сложность коллективного сознания отражает бесконечную внутреннюю сложность индивидуального сознания и наоборот.

Как мы полагаем, фрактальная метафора могла бы внести некоторую ясность в понимание структуры менталитета и его функциональных взаимосвязей с социальной средой. На сегодняшний день это весьма актуально, поскольку исследователи пока не выработали единого мнения о феномене менталитета, что связано, по-видимому, с отсутствием базовой метафоры этого феномена.

Литература

1. Zhukov, D. & Lyamin, S. Computer Modeling of Historical Processes by Means of Fractal Geometry // *Historical Social Research*. 2010. № 3.
2. Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996
3. Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // *Одиссей: Человек в истории. Представление о власти*. М., 1995.

4. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
5. Герасимов И.В. Модернизация России как процесс трансформации ментальности // *Русская история: проблемы менталитета*. М. 1994. С. 10 – 14.
6. Головашина О.В. Модернизация – незавершённый проект или традиционная ментальность в современной России // *Ineternum*. 2011. №2. С. 56 – 62.
7. Головашина О.В. Русские не хотят стануть россиянами: перспективы формирования государственной нации в России // *Ineternum*. 2011. №1. С. 36 – 42.
8. Гузенина С.В. Визуальный образ как форма репрезентации // *Дискуссия: журнал научных публикаций*. 2011. № 8. С. 124-127.
9. Гузенина С.В. К вопросу о формировании образа Востока в России // *Теория и практика общественного развития*. 2011. №2.
10. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
11. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // *Гуревич А. Я. Избранные труды*. В 2-х тт. Т. 2. Средневековый мир. М., 1999. С. 17 – 262.
12. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства // *Гуревич А. Я. Избранные труды*. В 2-х тт. Т. 2. Средневековый мир. М., 1999. С. 263 – 546.
13. Жуков Д.С., Лямин С.К. Исходные данные для построения модели модернизации административно-политических институтов // *Социально-экономические явления и процессы* 2011. № 8. С. 183 - 187.
14. Жуков Д.С., Лямин С.К. Опыт создания фрактальных моделей модернизационного давления государственных институтов на об-

щество в пореформенной России // *В мире научных открытий*. 2010. №5-4. С. 58 – 62.

15. Жуков Д.С., Лямин С.К. Институциональная модернизация: генезис представлений и теоретический контекст // *Ineternum*. 2011. № 2. С. 39-55.

16. Жуков Д.С., Лямин С.К. Математический аппарат фрактальных моделей модернизационных процессов // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2010. №7. С. 50 – 56.

17. Жуков Д.С., Лямин С.К. Модель политико-институциональной модернизации – модифрактал // *Ineternum*. 2011. №1. С. 75 – 106.

18. Жуков Д.С., Лямин С.К. Програма-фракталопостроитель для реализации модели «ОФМП» применительно к социально-политическим феноменам // *В мире научных открытий*. 2011. № 8. С. 24 - 31.

19. Жуков Д.С., Лямин С.К. Фрактальное моделирование социально-политических феноменов и процессов // *Pro nunc. Современные политические процессы*. 2011. №1. С. 161-170.

20. Жуков Д.С., Лямин С.К. Варианты использования методов фрактальной геометрии в социальных и политических исследованиях // *Ineternum*. 2010. №2. С. 17 – 35.

21. Жуков Д.С., Лямин С.К. Фрактальная модель развития сетевых связей в социально-культурной инфраструктуре русского города второй половины XIX – начала XX веков // *Ineternum*. 2010. №2. С. 50 – 55.

22. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. М, 1999.

23. Куприянов А. И. Историческая антропология. Проблемы становления // *Исторические исследования в России (тенденции последних лет)*. М., 1996. С. 366 – 385.

24. Лямин С.К. Корпоративность как форма социальной организации и категория мышления жителей провинциального города в России второй половины XIX в. // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2012. Т.106. №2. С. 294 – 303.

25. Лямин С.К. Метод типологизации в выявлении закономерностей электорального поведения: ментальный аспект // *Pro nunc. Современные политические процессы*. 2004. Т. 1. №1. С. 23-26.

26. Лямин С.К. Трансформация представлений городского населения о законности в контексте модернизационных процессов в России второй половины XIX века // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. Т.86. №6. С. 263 – 270.

27. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. М., 1999.

28. Огурцов А.П. Трудности анализа менталитета // *Вопросы философии*. 1994. №1.

29. Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов-на-Дону, 1994.